

страдания обошли ее: «Оказывается, надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья». И Люба понимает Никиту: «Когда-нибудь он станет любить меня меньше, и тогда будет сильным человеком». Так проявляется смысл часто возникающей у Платонова антиномии «слабый» — «сильный». «Слабость» по Платонову происходит от избытка сердца. «Сила» — от его убытка. Слабость сопряжена с душевным богатством, сила — с диктатом рассудка над чувством и обеднением эмоционального мира. Сила определяет жизнеспособность, выживаемость героев в мире, полном испытаний и бед. Слабость часто приводит к поражению, гибели героя. Но подобный жизненный итог по Платонову не обесценивает слабость, не заставляет предпочесть ей силу.

Никита — «слабый человек» (в платоновской интерпретации) оказывается в трагическом положении, выход из которого — одна смерть. Никита и уходит «в смерть»: «в беспамятство, в бедность ума, в бесчувствие, как в домашнее тепло, как в укрытие от смертного горя». Существование Никиты на базаре — это та же «нежизнь», верная дорога к физической смерти, на которой Чагатаев застал народ джан.

Но «возвращение» Никиты свершилось без помощи извне, за счет его внутренних сил. Они проснулись в нем после того, как он узнал от отца о горе Любы и уверился в ее любви.

В ситуации «у последней черты» любовь рождается из надежды, что обретение любимого поможет сохранить жизнь («люблю тебя, иначе не проживешь»). Чувствуя прямую связь доброго отношения Любы к себе с особыми обстоятельствами ее жизни, Никита не был уверен в чувстве Любы: «сердце его продрогло от долгого терпения и неуверенности — нужен ли он Любе *сам по себе*, как бедный, малограмотный, демобилизованный человек». Он мучился «бедностью» их счастья. Известие о горе Любы сняло это сомнение, и «сердце его наполнилось горем и силой». «Он пожелал ее всю, чтобы она утешилась, и *жестокая, жалкая сила* пришла к нему. Однако Никита не узнал от своей близкой любви с Любой более высшей радости, чем знал ее обыкновенно, — он почувствовал лишь, что сердце его теперь господствует во всем его теле и делится своей кровью с *бедным, но необходимым наслаждением*».

Сила, призванная разрешить непростую коллизия жизни героев и разрешившая ее, получила определение «жестокая, жалкая», и это вполне соответствует логике платоновского мира, где сила признается как реальность, а не как благо. «Наслаждение» названо «бедным, но необходимым». Бедное рядом с богатством любви Никиты к Любе, но необходимое для их жизни вместе, вдвоем.

Обмен репликами героев в самом конце рассказа — комментарий к прошумевшей драме (Люба: «Тебе не жалко... со мной жить?» Никита: «Я уже привык быть счастливым с тобой»). Роли героев переменились. Неуверенность звучит в словах Любы, а в уста Никиты вложена вера в счастье. Люба как бы признала «бедность» наслаждения, а Никита его «необходимость». Психологическая коллизия, привнесшая истинный драматизм в жизнь «бедного человека», Платонова, изжита в страданиях и горестной силе его любви.

Другая излюбленная психологическая ситуация Платонова — «возвращение». Она всегда насыщена у него глубоким содержанием. Совершается не столько возвращение к исходной точке жизни (дому, родине, детству), сколько к себе, своей сущности, когда снимаются внешне неожиданным (а изнутри мотивированно) эгоистические наслоения прожитых лет, но сохраняется опыт человеческой зрелости. Таково «возвращение» Назара Чагатаева из Москвы на родину, Джамуль в древнюю полуразрушенную башню на краю такыра, Акима — героя «Света жизни» — в места своего детства. «Возвращение» присутствует почти в каждом произведении Платонова. Один из рассказов так и назван: «Возвращение» (опубликован как «Семья Иванова»).